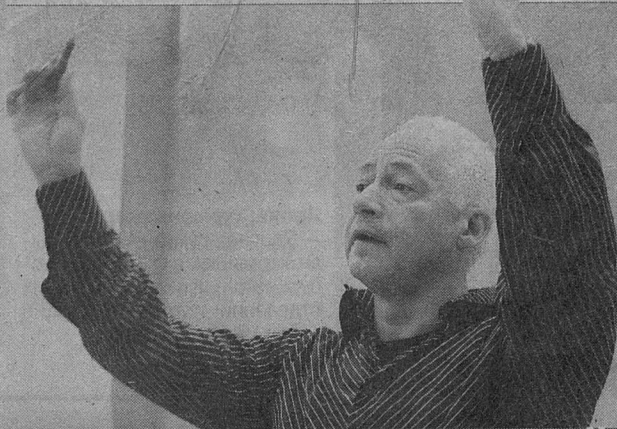

Курьер Культуры

Сегодняшний концерт — откровение. Спал ли эту ночь Владимир Спиваков — кто знает. О чем он говорил с Дмитрием Дмитриевичем?.. Пусть это останется между ними. Сейчас — в годовщину 100-летия Шостаковича — имя его слышно с каждой сцены. Но как донести, не расплескав? Как выразить боль и надежду, не боясь оказаться непонятым?

АЛЕКСАНДР КОРНОШЕНКО

ПОСЛЕДНЕЙ СТРАСТИ КУБОК ПЕННЫЙ

Владимир СПИВАКОВ:
"Шостакович был
страдальцем. Понимал,
что сделать ничего
не может"

...Это первый концерт нового (уже четвертого) сезона Дома музыки. Владимир Теодорович за круглым столом своего кабинета собирает друзей.

— Кушайте, угощайтесь. Пирожки рекомендую. Колбаса — свежайшая...

Открываем программу предстоящего действа. И первый вопрос:

— Расскажите о вашей первой встрече с Дмитрием Дмитриевичем.

— Мне было лет девять или десять, когда я столкнулся с ДД в первый раз. Как талантливому и подающему надежды мальчику мне разрешили присутствовать на репетиции в Малом зале. Дмитрий Дмитриевич сидел рядом в восьмом-девятом... А я — в самом конце зала. Но, выходя с репетиции, мы столкнулись. А у меня в руках был томик сти-

хов Блока. Он подошел: "Вы любите Блока?" — "Да". — "Вас как зовут?" — "Володя". — "Очень приятно. А что из Блока вам нравится?" Я ему открыл одно стихотворение:

*Прими, Владычица Вселенной,
 Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба —
 Последней страсти кубок пенный
 От недостойного раба!*

...Много лет спустя он взял его в свой "Блоковский цикл". Когда такой человек уходит — это как запущенный космический аппарат: он начинает новую жизнь, воздействует на нас, продолжает оставаться с людьми... А время было разное. Когда композитор ушел из жизни, "Нью-Йорк таймс" написала: "Скончался лояльный член КПСС". И такое было... Существует замечательная фраза Сергея Эйзенштейна, что, "конечно, очень почетно умереть за свою родину, но куда труднее — жить для нее".

— Но вы еще мальчишкой ходили на многие концерты?

— В нашей семье имя Шостаковича было священным. Вспоминала зал Ленинград-

ской филармонии: я приходил туда с родителями. Туда люди шли как в церковь. Потому что в церковь прийти было нельзя. Музыка была храмом. И слушали музыку иначе. А моя мама была на том памятном концерте 9 августа 1942 года... Август. Меж страшных блокадных зим, когда слезы превращались в лед. Когда вымирали целые квартиры и в шкафах прятали трупы, чтобы получать на них хлеб... К финалу исполнения симфонии люди стояли и плакали.

— Необычный концерт нас ждет. Ведь нынче часто играют исключительно Дмитрия Дмитриевича... А у вас в первом отделении и увертюра к "Тангейзеру" Рихарда Вагнера, и "Симфония Псалмов" Игоря Стравинского...

— У нас страна крайностей: когда приходится время справлять чей-то юбилей, то так задают... Поэтому я пошел немножко по другому пути, и в концерте-посвящении прозвучат Вагнер, Стравинский и очень важное произведение ДД — поэма "Казнь Степана Разина". Почему я все это выбрал? Думал так: вот какой человек ДД? Что ему дорого? У каждого из нас в душе есть какое-то странство религиозного чувства. Как говорил отец Александр Мень, "для того чтобы верить, не обязательно креститься". Креститься — еще не значит веровать. Почему Вагнер? В "Тангейзере" речь идет о душе художника. Душа мечется между двумя мирами. И эрос, и духовность — в конечном счете это утверждение творца. ДД был страдальцем. Понимал, что сделать ничего не может. Он чувствовал себя виновным за то, что происходит вокруг. Здесь же — Стравинский, "Симфония Псалмов". "Милосердия прошу, а не жертвы".

Владимир Теодорович долго думал, что сыграть в "третьем отделении", на бис... Остановился на небольшой миниатюре Альфреда Шнитке. Это, безусловно, самый прекрасный концерт памяти Шостаковича в наступившем сезоне.

Ян СМЕРНИЦКИЙ.